

Шаг влево, шаг вправо

Автор:

[Марина Серова](#)

Шаг влево, шаг вправо

Марина С. Серова

Частный детектив Татьяна Иванова

Много лет назад бывший следователь Степанов совершил должностное преступление. Добрый поступок, когда он из жалости выгородил беременную соучастницу грабителей в деле о краже раритетов из музея, сейчас «аукнулся» бедой. Двадцать лет пролежали в тайнике у следователя старинные песочные часы и золотой футляр для молитвослова, полученные им в качестве «моральной компенсации» за беспокойство, и вот – сейф взломан, ценности бесследно исчезли... Приглашенная Степановым частный детектив Татьяна Иванова обнаруживает на одном из сайтов в Интернете объявление: некто предлагает купить старинный футляр для молитвенника. Кто же похитил музейные экспонаты из тайника – это и предстоит выяснить Татьяне Ивановой. И, конечно, желательно обнаружить и сами ценности, при этом таким образом, чтобы не пострадала репутация старого следователя...

Марина Серова

Шаг влево, шаг вправо

Глава 1

У меня нет офиса, но не потому, что я не в состоянии позволить себе арендовать помещение, обустроив его по последнему слову дизайнерской моды и компьютерной техники. Он мне просто-напросто не нужен. Вряд ли бы я появлялась там и задерживалась надолго, ведь моя работа – это слежки, погони, общение с различными людьми, очень часто неформальное. Далеко не все бывают откровенны с частным детективом, но случайному человеку люди часто выбалтывают абсолютно все, даже то, где записан PIN-код их банковской карты. К каждому человеку нужен свой особый подход. И уж тем более – к клиенту. Никто не хочет афишировать, что он обратился к услугам частного детектива. Был бы у меня офис, заказчики наверняка приходили бы туда в черных очках на пол-лица, чтобы их ненароком не узнали случайные прохожие. Другое дело – деловая встреча в кафе. Именно в подобных нейтральных местах я чаще всего встречаюсь со своими клиентами. Впрочем, иногда они приходят ко мне домой. Или я – к ним, в их офис или домой. Бывает, что мы беседуем в машине или в парке на скамье. Все зависит от обстоятельств.

Сегодня обстоятельства сложились таким образом, что мне предстояла встреча с новым заказчиком в больнице. Точнее, в частной клинике «Сантэ». Мне уже доводилось там бывать. Нет-нет, со здоровьем у меня все в порядке. В клинику положили одного из моих бывших клиентов. Он чувствовал себя так плохо, что доктора категорически не хотели меня к нему пускать. Мне пришлось, не раскрывая никаких подробностей, доказывать главному врачу, что мой визит повлияет на его пациента исключительно благотворно. Так и случилось. Хорошая новость оказалась сильнее лекарств. Александр Николаевич Полозов, главврач, даже поинтересовался – не экстрасенс ли я? В ответ я протянула ему свою визитную карточку. Он был немало удивлен, узнав, кто я на самом деле. И вот вчера он позвонил мне и попросил прийти – по делу. Я попыталась узнать по телефону хоть какие-то детали предстоящего мне расследования, но тщетно. Доктор оказался немногословным. Заручившись моим согласием явиться на встречу, он сразу же отключился.

Итак, я приехала в клинику «Сантэ», понятия не имея, каким делом мне предстоит заняться. Несмотря на то, что мне было назначено конкретное время, главврача на месте не оказалось. Секретарша сказала, что его вызвали к тяжелому больному, и предложила мне чашечку кофе. Я не стала отказываться, ведь кофе – это моя слабость. Мне кажется, что я достаточно долго смогу прожить только на этом напитке, а вот без него не протяну и дня. Нет, конечно, я не умру в прямом смысле слова, но это точно будет неполноценный, потерянный день.

Секретарша включила кофемашину, и вскоре приемную наполнил густой аромат «Арабики». Надо же, даже сорт мой любимый!

- Пожалуйста. - Девушка подала мне чашечку кофе.

Я пила его мелкими глоточками, растягивая удовольствие и скрашивая любимым напитком ожидание. Едва лишь моя чашка опустела, как пришел Александр Николаевич и распахнул дверь кабинета.

- Простите, Татьяна Александровна, что заставил вас ждать, - извинился он. - Проходите, присаживайтесь.

- Спасибо. - Я села за стол, слева от кресла хозяина. Однако Полозов расположился напротив меня и начал издали:

- Знаете, Татьяна Александровна, один раз вы уже совершили в этих стенах чудо. Надеюсь, вы сделаете это и во второй раз. Не секрет, что многие болезни - от нервов. Если человек находится в состоянии длительного стресса, то это обязательно проявится каким-нибудь заболеванием. Чтобы лечение было успешным, надо устранить раздражающий фактор. Вы со мной согласны?

- Вам виднее, - ответила я, не понимая, к чему он клонит. - Давайте перейдем ближе к делу.

- Хорошо. Я постараюсь быть кратким. Дело в том, что к нам недавно поступил с гипертоническим кризом один пациент. Он здесь уже несколько дней, но нам никак не удается нормализовать его давление. Когда я лично с ним пообщался, он признался, что у него очень сложные семейные обстоятельства. Настолько сложные, что впору нанимать частного детектива.

- Жена, что ли, изменяет? - Я испытала разочарование, потому что слежка за неверными супругами - это самое нелюбимое мое занятие.

- Насколько мне известно, его супруга умерла около года тому назад. К тому же пациент уже в годах... Я сам не знаю, в чем дело, но, по словам Степанова, все очень сложно и запутанно. Я сказал, что у меня есть на примете частный детектив, и он проявил к этому неподдельный интерес, а на следующий день

попросил меня связаться с вами.

- Ну что ж, - кивнула я, - я готова встретиться со Степановым.

- Тогда пойдете!

Мы вышли из приемной и направились по просторному светлому коридору, свернув вправо. Надо сказать, что эта частная клиника, расположенная в тихом центре Тарасова, больше была похожа на элитный санаторий, нежели на больницу. На стенах висели картины в золоченых рамах. В холле, в окружении финиковых пальм, стоял большой плазменный телевизор. Негромко транслировались передачи по музыкальному каналу.

Главврач остановился около двери в палату номер двадцать два. Прежде чем ее открыть, он предупредил меня:

- Татьяна Александровна, не забывайте, что ваш будущий клиент - пациент нашей клиники. Будьте с ним поделикатнее. А если вы заметите, что Степанов не в состоянии контролировать свои эмоции, немедленно сворачивайте общение и позовите кого-нибудь из персонала. Там есть кнопка.

- Хорошо, - кивнула я, вникнув в ситуацию.

Александр Николаевич распахнул дверь. Около приоткрытого окна, спиной ко входу, стоял и курил высокий седоволосый пациент в синем спортивном костюме. Услышав легкий скрип двери, он выбросил сигарету за окно, повернулся к нам и начал оправдываться:

- Я решил свежим воздухом подышать...

- Сергей Федорович, ей-богу, вы как ребенок! Ведь знаете же, что в палате курить нельзя, но все равно курите здесь, - пожурил его врач.

- Я больше не буду, - пообещал пациент, которому, на мой взгляд, было уже за семьдесят.

– Вот, познакомьтесь. Это – Татьяна Александровна, сыщица, можно сказать, вытащившая одного из наших пациентов с того света. Надеюсь, общение с ней и вам пойдет на пользу.

– Я тоже на это надеюсь, – выразил уверенность мой клиент.

– Ну что ж, не буду вам мешать. – Александр Николаевич еле заметно подмигнул мне, напоминая, чтобы я, насколько это возможно, постаралась эмоционально не перегружать пациента.

– Степанов Сергей Федорович, – официально представился тот, сделав шаг в мою сторону. – Так, значит, вас зовут...

– Иванова Татьяна Александровна. Сергей Федорович, давайте не будем терять время даром. Расскажите мне: что вас тревожит?

– Да, меня действительно кое-что сильно тревожит, настолько сильно, что я даже попал сюда. – Я заметила, как задергалась синяя тонкая вена под его правым глазом. – Честно говоря, я даже не знаю, с чего начать...

– Начните с главного. – Эту фразу я говорила своим клиентам очень часто, но далеко не все следовали моему совету.

– С главного? Вот это как раз и есть самое сложное! Понимаете, для того, чтобы картина произошедшего была полной, я должен поведать вам о событиях более чем двадцатилетней давности. Я много лет хранил молчание, и мне очень непросто сейчас решиться раскрыть эту тайну. Поймите, я ни в коей мере не хочу оскорбить вас своим недоверием. Вас рекомендовал доктор Полозов, и у меня нет оснований ему не доверять. Он – лицо незаинтересованное. Моя нерешительность вызвана исключительно щепетильностью моей проблемы. – Вена под глазом моего собеседника запульсировала сильнее.

– Сергей Федорович, если вы еще не готовы к диалогу, я оставлю вам номер своего телефона. – Я открыла сумку и поискала визитную карточку, решив, что начало расследования следует перенести к моменту выздоровления Степанова. – Вот, пожалуйста, моя визитка. Позвоните мне, как только поправитесь.

Пожилой человек взял ее и положил в нагрудный карман «олимпийки», не разглядывая.

– То есть вы сейчас уйдете? – уточнил Сергей Федорович, и я утвердительно кивнула в ответ. – Тогда я опять останусь один на один со своей проблемой... Ладно, тянуть дальше с ее решением нет смысла! Надо наконец взять и разрубить этот гордиев узел. Я пытался сделать это сам, но не смог.

На лбу у моего визави проступили капельки пота. Ему было нелегко посвящать постороннего человека в свои проблемы, но их неразрешенность явно давила на него тяжким бременем. Я все-таки взяла на себя смелость продолжить разговор. Расположившись в кресле, стоявшем слева от тумбочки, я попыталась подтолкнуть Степанова к дальнейшим откровениям:

– Итак, я вас слушаю.

Клиент присел на койку, застеленную голубым пледом, и, потирая руку об руку, начал рассказывать:

– Сейчас я пенсионер, а работал когда-то в прокуратуре, следователем. Как это ни парадоксально, но двадцать с лишним лет назад я вполне мог бы оказаться за решеткой. – Степанов искоса посмотрел на меня, ожидая какой-то реакции.

Несмотря на то, что его слова произвели на меня определенное впечатление, я постаралась не показать виду, что удивилась.

– Продолжайте, – сказала я самым будничным тоном, дабы не погасить эту волну откровений.

– Так вот, я вел тогда одно очень запутанное дело о краже экспонатов из фондов нашего художественного музея. Если бы туда не пришел новый директор, то, может быть, еще не скоро бы выяснилось, что в запасниках отсутствуют некоторые ценности, а в выставочных залах кое-какие предметы старины заменены качественными, но все-таки – подделками.

– Речь идет о картинах? – уточнила я.

– Нет, это были предметы роскоши, которые некогда принадлежали не только знатным дворянам, но и членам царской семьи. Большинство этих вещей были поистине уникальными. Например, золотой футляр для карманного молитвослова, инкрустированный сапфирами... Песочные часы, корпус которых был изготовлен из золота с рубинами и горного хрусталя, а внутри пересыпался отнюдь не речной силикатный, а золотой песок!

– Интересные, должно быть, вещицы! – впечатлилась я.

– Да, в советские времена они были гордостью нашего музея. В перечне похищенных музейных экспонатов значились также медальоны, шкатулки, портсигары, посуда и оригинальные ювелирные украшения. Я не буду вам рассказывать о том, как мы вышли на след исполнителей этих дерзких похищений. Это долгая песня, да она и не имеет особого отношения к событиям сегодняшнего дня. Важно то, что мы не нашли львиную долю похищенного и не установили имя заказчика. Все задержанные по этому делу упорно молчали. Признаюсь, работали мы с подследственными жестко, но это не принесло особых результатов. И если бы не было среди задержанных некой Натальи Хрековой, работницы музея, следствие еще долго топталось бы на месте.

– Вот как? Та женщина все-таки раскололась? – предположила я.

– Не совсем так. Дело в том, что Наталья была подружкой другого подозреваемого, Николая Бирюлина, и, как оказалось, ждала от него ребенка. На одном из допросов Бирюлин шепнул мне, что сдаст заказчика, если я пообещаю отмазать Хрекову. Дескать, он не хочет, чтобы его ребенок родился в неволе, и только я могу сделать так, чтобы этот малыш появился на свет в нормальных условиях, то есть в городском родильном доме, а не в тюремной больнице.

– Ну что ж, мне его мотив вполне понятен.

– Поначалу предложение Бирюлина показалось мне вопиющей наглостью, и я, не раздумывая, отказался от этой глубоко сомнительной сделки. Но потом, хорошенько поразмышляв над обстоятельствами дела, я понял, что готов принять это предложение. Как ни странно, но мне импонировало благородство Бирюлина. Он понимал: если заговорит, то получит гораздо больший срок, зато его гражданская жена останется на свободе и ребенок тоже родится на воле.

- А почему он должен был получить гораздо больший срок? - уточнила я.

- Пока Бирюлин молчал, мы могли инкриминировать ему только один эпизод. Причем он утверждал, что украл из запасника пару шкатулок спонтанно, просто потому, что они там «плохо лежали». Такую же песню пели все другие задержанные. На всех очных ставках они утверждали, что не знают друг друга. Хотя по всему было видно, что действия каждого из них четко спланированы и что они являются звеньями одной цепи. Стоило в деле появиться заказчику, как все действия Бирюлина, равно как и других подследственных, сразу переквалифицировались бы в участие в преступной группе. Собственно, так и случилось. А это уже другая статья и другой срок.

- Понятно, - кивнула я. - И вы все-таки пошли на сделку с Бирюлиным?

- Татьяна Александровна, вы - второй человек, которому я в этом признаюсь. Первой была моя супруга, которой я рассказал правду перед самой ее смертью. Только не подумайте, что она умерла от шока, узнав, что я не так идеален, как она себе представляла! Нет, у Лидии был рак. Она чувствовала, что вот-вот отойдет в мир иной, и попросила меня пролить свет на кое-какие события, мысль о которых уже давно мучила ее. Вы позже поймете, о чем речь. - Мой собеседник бросил на меня беглый взгляд и, вновь уставившись куда-то прямо перед собой, признался сдавленным голосом: - Да, я пошел на должностное преступление, но, поверьте, сделал это из самых благих намерений!

- Вы хотели взять крупную рыбу - заказчика, а мелкую рыбешку, такую, как Хрекова, можно было и отпустить, - прокомментировала я. - Так?

- Именно так, - подтвердил бывший следователь, - я рискнул превысить свои должностные полномочия ради высшей справедливости. Да и, по правде говоря, жалко мне было беременную женщину. Наталья, ослепленная любовью к Николаю, толком и не понимала, во что именно втянул ее приятель. Во всяком случае, мне так тогда казалось. Изучив материалы дела несколько в другом ракурсе, я понял, что можно сделать для Хрековой. Подозрения против нее основывались главным образом на свидетельских показаниях, и мне пришлось еще раз вызвать того, кто их давал, в прокуратуру. Я построил допрос таким образом, что тот человек запутался и изменил показания, даже не подозревая, что вводит следствие в заблуждение. Затем я «потерял» кое-какие справки, еще не подшитые к делу, и после этого мне осталось только извиниться перед гражданкой Хрековой и отпустить ее домой.

– То есть все прошло гладко?

– Я бы так не сказал. – На лбу у рассказчика вновь выступили капли пота. – Дело в том, что Скобцов, опер, работавший по тому делу, никак не хотел поверить в ее невиновность. Леонид был тогда еще молодым, горячим, вот он и не унимался, пытаясь убедить меня, что я совершил серьезную ошибку, отпустив Наталью. Когда же он понял, что я не намерен прислушиваться к его доводам, он обратился напрямую к моему начальству. На тот момент у меня была безупречная репутация, поэтому зампрокурора города, выслушав мои доводы, сказал, что у него нет оснований мне не доверять, и на этом разбор полетов закончился.

– Знаете, Сергей Федорович, я ведь какое-то время тоже работала в прокуратуре, поэтому представляю себе, как и чем вы рисковали. Надеюсь, дело того стоило? Бирюлин сдержал свое обещание?

– Да, когда Хрекову выпустили из СИЗО, Николай заговорил. Его показания стали настоящей бомбой! Оказалось, что заказчик не кто иной, как Кучаренко! – Степанов с пафосом произнес эту фамилию и посмотрел на меня.

Впрочем, никаких эмоций на моем лице не отразилось. Ну не знала я, кто такой Кучаренко! Когда происходили те события, я была еще в детсадовском возрасте.

– Простите, Сергей Федорович, но я впервые слышу эту фамилию, – не стала лукавить я.

– Ну да, конечно, вы ведь еще так молоды... Это раньше все знали Олега Аркадьевича – от школьника до пенсионера, ведь он был крупным тарасовским чиновником, а именно – начальником областного комитета культуры. Дня не проходило, чтобы он не мелькал в местных теленовостях.

– Понятно. И что дальше? Вы взяли этого Кучаренко?

– Взять-то мы его взяли, только бо?льшую часть похищенных драгоценностей он уже успел сбить за границей, где часто бывал в служебных командировках. Кучаренко сам ведь не являлся коллекционером. Антиквариат ему нужен был лишь как средство обогащения. Зато мы нашли у него дома валюту, да в таком

количестве, что ему грозила вышка. Время-то было еще советское, валютные преступления очень тяжело карались. Это теперь можно держать у себя дома доллары, евро и всякие там йены, и все... в рамках закона. – После некоторой паузы Степанов продолжил: – Уже после задержания Кучаренко произошло то, чего я никак не мог предвидеть. Осведомитель доложил Скобцову, что Хрекова – уже после того, как ее выпустили из следственного изолятора, – встретила в парке с водителем Олега Аркадьевича, и тот передал ей какой-то сверток.

– То есть тот опер так и не поверил в невиновность Хрековой? – уточнила я.

– Не поверил, – подтвердил бывший следователь. – Леня доложил об этом на расширенном совещании, и мне волей-неволей пришлось запросить у прокурора санкцию на повторный обыск в квартире Хрековой. Так вот, мы поехали к ней, пригласили соседей в качестве понятых. Наталья вела себя очень спокойно, вероятно, потому, что была уверена – у нее ничего противозаконного не найдут. Мы проводили обыск по часовой стрелке, начиная от входной двери. В санузле и в кухне ничего не обнаружили и занялись спальней. Оставалась еще гостиная с лоджией и кладовка в прихожей. Мне безудержно хотелось курить, но в присутствии беременной женщины я не мог себе этого позволить, поэтому отправился в лоджию. Там мне в глаза бросилась коробка из-под обуви. Черт меня дернул посмотреть, что в ней... Татьяна Александровна, вы позволите, я закурю?

Я кивнула, понимая, что Степанову необходимо как-то снять стресс. Пенсионер подошел к окну, приоткрыл его и щелкнул зажигалкой.

– Неужели там оказалось именно то, что могло заинтересовать следствие? – я не удержалась от этого вопроса, потому что Сергей Федорович явно вздумал меня поинтриговать.

Сделав несколько быстрых затяжек, он выбросил сигарету на улицу, прикрыл окно и сел обратно на кровать.

– Вы не поверите, – продолжил бывший следователь, – но в той коробке лежали музейные экспонаты – те самые песочные часы и футляр для молитвослова, о которых я вам рассказывал. Они даже не были ни во что завернуты, просто прикрыты тряпочкой.

– Похоже на подставу, – смекнула я.

– Вот я именно так сразу и подумал. Если бы к Хрековой попали в руки эти вещички, уж она-то спрятала бы их понадежнее. Я не стал долго задерживаться в лоджии, вернулся в спальню, прикидывая, что же делать дальше. Мой мозг работал на бешеных оборотах, но достойного выхода из этой ситуации я придумать никак не мог. Времени было в обрез – счет шел на минуты. Вскоре обыск в спальне был закончен, и все перешли в гостиную. Еще какие-то полчаса, и все дошли бы до лоджии. Чем ближе мы к ней подбирались, тем больше я проникался уверенностью в том, что должен что-то предпринять. Если бы мы нашли ценности, Наталья в тот же день вернулась бы в следственный изолятор. Начались бы новые разборки, возникли бы вопросы: на каком основании я ее отпустил? Всплыли бы на поверхность уничтоженные мною справки, развенчивающие ее алиби. Да и Бирюлин какой-нибудь фортель выкинул бы, например, взял бы и отказался на суде от своих показаний.

– Да, вполне, – согласилась я, мысленно поставив себя на место Бирюлина.

– Тогда бы я точно оказался в полном дерьме. Уж простите меня за такое выражение.

– Ничего страшного. Как говорится, из песни слово не выбросишь. – Я дала клиенту понять, что извиняться, в сущности, не за что. – Дальше-то что было?

– Понимать-то я понимал, что надо спасти не сколько Хрекову, сколько самого себя, но не мог ничего придумать. В тот момент, когда мы уже собирались идти осматривать лоджию, меня наконец осенила простая в своей гениальности идея. Я сказал Скобцову, чтобы он позвонил в райотдел и кое-что уточнил. Леня отправился в прихожую, где находился телефонный аппарат, а я снова вышел в лоджию – покурить. Улики были слишком объемными для того, чтобы спрятать их в карманы моего кителя, поэтому я не нашел ничего лучшего, как осторожно перекинуть коробку в соседскую лоджию. Окно там было занавешено, и моих манипуляций из комнаты не увидел бы никто, – пояснил Сергей Федорович. – Вскоре обыск был возобновлен, но ничего интересного для следствия, как вы понимаете, мы не нашли. Хрекову это нисколько не удивило, не то что Скобцова. Тот явно был разочарован впустую проделанной работой.

– А что же с антиквариатом случилось? – поинтересовалась я. – Неужели он так и остался у ничего не подозревавших соседей?

– После обыска мы вышли из дома и направились со Скобцовым в разные стороны. Он – в райотдел, а я – в прокуратуру, но с полпути вернулся назад и зашел к соседям Хрековой. Ими были супруги, которых мы приглашали в качестве понятых. Я сказал им, что мне надо уточнить кое-какую информацию, и пенсионеры охотно согласились ответить на все мои вопросы. Хозяйка предложила попить чайку, на что я без раздумий согласился. Пока она хлопотала в кухне, я немного пообщался с ее супругом, а потом попросил разрешения выйти в лоджию. Поскольку был уже вечер, на улице заметно похолодало, и я взял в прихожей и накинул на плечи свою куртку. В лоджии я даром времени не терял: засунул в один карман песочные часы, а в другой – футляр для молитвослова. Они с трудом там поместились. Я даже порвал подкладку, за что потом получил нагоняй от жены. Но старики, кажется, не заметили, как раздулись карманы моей куртки... Татьяна Александровна, я ни секунды не сомневался, что обязательно верну эти ценности в музей, – как бы оправдываясь, заметил бывший следователь.

– И вам это удалось? – спросила я, догадываясь, что ответ на этот вопрос, скорее всего, окажется отрицательным.

И я не ошиблась. Поерзав на кровати и как-то неестественно покашляв, желая оттянуть неприятный момент, Степанов все-таки признался:

– Нет, я так и не вернул их в музей, но вовсе не потому, что у меня при виде золота снесло голову и я решил извлечь из этого выгоду! Конечно, вещцам этим цены нет. Точнее, цена-то есть, но только на преступном рынке. Законно на аукцион их выставлять нельзя, они ведь в черном списке. Но это и не входило в мои планы, я ведь хотел, чтобы и песочные часы, и футляр для молитвослова снова стали достоянием народа. Увы, найти такой способ, при котором раритеты вновь не попали бы в корыстные руки, было непросто. Да и подставляться, как вы понимаете, мне не хотелось.

– Сергей Федорович, и где же вы спрятали футляр для молитвослова и песочные часы?

– Я укрыл эти ценности в Калиновке, в доме моих родителей, которые в те годы еще были живы. Они как раз тогда пристраивали летнюю кухню, и мне было нетрудно сделать тайник в кирпичной стене.

– Понятно.

– Татьяна Александровна, раз уж у меня с вами завязался такой доверительный разговор... – Степанов с некоторой опаской посмотрел на дверь, – я должен вам признаться, что был один момент, когда я хотел продать песочные часы. Это случилось в середине 90-х годов. Я тогда только-только вышел на пенсию, на нее-то мы и жили всей семьей. Лидия, супруга моя, в те годы работала в проектном институте, там зарплату по несколько месяцев не платили. Арина, наша дочь, родила, не будучи замужем. Ее жениха в Чечне убили... А Костик, наш сын, учился тогда в школе и рос не по дням, а по часам. В десятом классе у него уже был рост один метр девяносто два сантиметра. Мы еле успевали покупать ему новые вещи. В общем, финансовое положение нашей семьи было критическим, и тогда я пообещал родным, что скоро у нас появятся деньги. Много денег!

– Наверное, каждый поступил бы так на вашем месте, – сказала я, чтобы как-то приободрить пенсионера, терзаемого угрызениями совести.

– Ну, не знаю, каждый, не каждый, но я начал зондировать почву. Мне были известны фамилии тарасовских коллекционеров, которых могли бы заинтересовать антикварные вещи царской эпохи, и я попытался наладить с ними контакты. И выяснилось, что один из них не так давно умер, второго посадили, а третий уехал за границу. Короче, ничего путного с реализацией антиквариата у меня не получилось. К счастью, ситуация с деньгами как-то разрешилась сама собой. Жене выдали зарплату, дочь пошла работать, я же сидел с внуком. – После недолгого молчания Степанов продолжил рассказ: – С тех пор прошло уже больше десяти лет. Знаете, со временем я как-то стал забывать про музейные экспонаты, спрятанные в Калиновке... Во всяком случае, я уже не думал каждую минуту – как бы их вернуть в наш тарасовский «Эрмитаж»? Вспомнить о них мне пришлось три года тому назад, когда дочь решила построить загородный дом. Она ведь у нас еще в начале века в бизнес ударилась, начала стройматериалами торговать, причем весьма успешно. Мои родители к тому времени умерли, вот Арина и задумала их дом снести, а на его месте поставить современный коттедж. Она спросила мое мнение на этот счет. Я не возражал, хотя снос дома был неизбежно сопряжен с хлопотами –

предстояло куда-то перепрятать мой клад.

– Неужели после смерти ваших родителей драгоценности так и лежали в пустом доме? – удивилась я. – Вы не боялись, что их случайно найдет какой-нибудь бомж?

– Не боялся. Родительский дом стал нашей дачей. С весны по осень мы жили там с Лидией, дети приезжали к нам на выходные. Зимой, конечно, туда могли залезть погреться бомжи. Но с чего бы эти непрошеные гости принялись разбирать стену? Да и соседи приглядывали за нашим домом.

– Понятно, – кивнула я, давая ему понять, что можно двигаться дальше.

– Я долго думал, где бы обустроить новый тайник, а потом решил, что не стоит сильно мудрствовать, все равно никто не знает, что я обладаю такими несметными сокровищами, – Степанов чему-то горько усмехнулся, – поэтому и искать их никто не будет. В общем, я на какое-то время забрал футляр для молитвослова и песочные часы в городскую квартиру и положил их в ящик письменного стола, закрывавшийся на ключ. Правда, ключ я старался всегда держать при себе. Лида что-то такое заподозрила и поинтересовалась, что я храню в столе. Я попытался отшутиться, но она принялась настаивать на том, чтобы я показал ей, что лежит в ящике. Естественно, я отказался. Мне пришлось бы тогда рассказать жене о том, как попали ко мне эти музейные экспонаты, но я не был готов к таким откровениям. Супруга моя сдалась и перестала об этом спрашивать, но, как потом выяснилось, не забыла об этом инциденте.

– Представляю, как тяжело вам было хранить столько лет эту тайну, – посочувствовала я ему.

– И не говорите! – Сергей Федорович убедился, что нашел в моем лице единомышленницу, и продолжил рассказ: – Прошло еще несколько лет. Дочь с внуком переехали в Калиновку. Сын несколько лет тому назад окончил академию права и работал в милиции. У моей жены обнаружили онкологическое заболевание. Она угасала не по дням, а по часам... А тут еще Костик преподнес мне сюрприз, спросив: «Папа, а это правда, что много-много лет тому назад ты расследовал одно антикварное дело?» Отрицать это было бы бессмысленно, и я подтвердил, что случилось в моей практике и такое дело. Сын, надо сказать, уже хорошенько выпил, поэтому язык у него развязался настолько, что он не

постеснялся спросить – брал ли я взятку, чтобы выгородить одну подозреваемую?

– Сергей Федорович, скажите, сын вас об этом один на один спросил или в присутствии других членов семьи? – уточнила я.

– В том-то и дело, что при всех – при матери, которая уже на ладан дышала, при сестре, для которой я всегда был непререкаемым авторитетом, и даже при своем четырнадцатилетнем племяннике. Такого я от родного сына никак не ожидал услышать! «Я взял крупную взятку, чтобы выгородить одну подозреваемую», – эта формулировка никак не соответствовала действительности! – возмутился Степанов и схватился рукой за сердце.

Я не знала, достиг ли уже его рассказ кульминации или впереди будет еще что-то более волнительное, поэтому спросила:

– Сергей Федорович, как вы себя чувствуете? Может, нам лучше прерваться?

– Ну нет, – возразил пенсионер, – раз уж я решился все вам рассказать, то прерываться не буду. Признаюсь, сердце немного кольнуло, но сейчас отпустило. На чем мы остановились?

– На щекотливом вопросе вашего сына, – напомнила я. – Что вы ему ответили?

– Признаюсь, я тогда сильно вспылел. Костик понял, что сболтнул что-то не то, и поспешил извиниться передо мной. Я полагал, что инцидент на этом исчерпан, но оказалось, что всем домашним та история глубоко запала в душу. Как-то случайно я подслушал, что Саша, внучок, спрашивал у своей матери – как, по ее мнению, я уже продал антиквариат или нет? Правда, Арина осадила его. Мол, не болтай глупости, а то еще дед услышит и рассердится! А сама потом с матерью шушукалась – могло ли быть такое на самом деле?

Я слушала Степанова, и у меня в голове вертелся один очень важный вопрос. Как только клиент сделал передышку, я сразу же его и задала:

– Сергей Федорович, как вы думаете, откуда ваш сын узнал о том антикварном деле? Я так поняла, что никому доподлинно не было известно, что вы забрали из

квартиры Хрековой улики.

– Я тоже задавал себе этот вопрос и достаточно быстро нашел на него ответ. Я знал, что Леня Скобцов все еще работает в органах, вот и решил, что это он просветил моего сына. Леонид ведь тогда, после неудачного обыска, опять-таки не мог успокоиться и все пытался на чем-нибудь подловить меня, чтобы уличить в пособничестве уголовникам. Но я вел себя очень осторожно, и он в конце концов остыл. Выходит, что не совсем!

– Да, теоретически это вполне возможно – что информация пошла от Скобцова. Только интересно, зачем ему вдруг понадобилось подставлять вас перед сыном спустя столько лет? – размышляла я вслух. – Тем более он же не мог знать наверняка, что вы забрали драгоценности.

Степанов развел руками:

– Если б я знал! Наверное, он просто решил досадить мне... и, надо сказать, у него это получилось. Разговоры о том антикварном деле у нас дома не замолкали. Лида перед смертью попросила раскрыть ей правду, и я не смог ей солгать и просто промолчать – тоже. Она мне напомнила, как в 90-е годы я пообещал принести домой кучу денег, как что-то прятал в письменном столе, и я... раскололся.

Я быстро уточнила:

– Ваш разговор никто не мог услышать?

– Нет, мы тогда были дома вдвоем, но я все-таки потом перепрятал антиквариат подальше. После смерти жены сын вновь начал досажать мне своими вопросами. И самое обидное – Константин, по долгу службы обязанный блюсти закон, даже и не думал меня осуждать! Он не раз заверял меня, что поступил бы так же. Не дай бог ему оказаться на моем месте! – Степанов от злости сжал кулаки. – А еще сын сообщил, что он не понимает, почему я до сих пор не реализовал ценности, и предложил самому заняться этим. Мол, ему нужна отдельная квартира и новая машина, а на деньги, вырученные от продажи царских побрякушек, все это легко можно будет купить. Я на это не повелся и сказал – мол, мечтать невредно. Костя остался при своем мнении, я – при своем. Продавать антиквариат в мои планы не входило. По моему твердому убеждению,

и золотой футляр для молитвослова, и песочные часы должны были вернуться в наш музей.

Я подумала: если бы Степанов так уж сильно хотел все вернуть, за двадцать-то лет он нашел бы какой-нибудь способ и передал ценности музею! В конце концов, отправил бы бандероль почтой. Хотя... в этом случае не было никаких гарантий, что человек, открывший посылку, не оставил бы ее содержимое себе.

– ...После этого разговора с сыном я принял предложение дочери переехать к ней в Калиновку. Антиквариат перекочевал со мной. Арина отвела мне две комнаты в новом двухэтажном особняке. В одной я оборудовал библиотеку, а в другой – спальню. Мне не составило особого труда обустроить там тайник. Дочь до поры до времени даже не заикалась о том, что я, возможно, являюсь хранителем клада. Но месяца три-четыре тому назад у нее начались проблемы в бизнесе, и она принялась как-то слишком уж откровенно намекать на то, что ей нужна материальная помощь. Я предложил ей свои пенсионные сбережения, но она сказала, что это не спасет ее от банкротства. Требовались гораздо более серьезные вливания в бизнес. Знаете, я был свидетелем того, как моя дочка своими руками налаживала собственное дело, и мне было невероятно обидно, что все в одночасье может рухнуть из-за какого-то мужика, решившего воспользоваться ее доверчивостью. – Степанов потянулся за пачкой сигарет, которую он прятал под подушкой.

– Кого вы имеете в виду? – уточнила я.

– Понимаете, влюбилась она в своего сотрудника, а он получил на время ее командировки право подписи и кинул мою Аринушку на кругленькую сумму, – пояснил Сергей Федорович, помял пачку сигарет и убрал ее обратно под подушку.

– Бывает, – понимающе вздохнула я.

– Знаете, Татьяна Александровна, так мне стало жалко дочку, что я едва не рискнул и не выставил на продажу через Интернет свои сокровища! Вовремя одумался, а точнее, меня внук просветил, что, как ни шифруйся на просторах Всемирной паутины, тебя в случае необходимости все равно найдут.

– Сергей Федорович, неужели вы поделились с внуком своим секретом?!

– Ну что вы? – Степанов даже обиделся. – Я ничего конкретного ему не сказал, только уточнил кое-что. Сам-то я в компьютерах не слишком силен, а вот Сашка у нас – продвинутый пользователь. Он каждый год на олимпиадах по информатике призовые места занимает. В общем, послушал я его и понял, что все это – пустая затея, и отказался от продажи антиквариата. Умом-то я и раньше понимал: если всплывут ценные экспонаты, некогда похищенные из музея, проблем не оберешься, но сердце склонялось к тому, чтобы помочь дочери. Однако – не получилось. После этого я, наконец, принял важное решение... В общем, я понял, как мне надо поступить со своим кладом.

– Как? – спросила я.

– Я решил сделать завещание в пользу Тарасовского художественного музея, подробно описав, откуда у меня взялись принадлежащие ему экспонаты и где они хранятся. Это было, на мой взгляд, единственно верным решением. После смерти-то мне уже бояться будет нечего, а раритеты вернулись бы туда, где им и следовало находиться.

– И вы написали это завещание? – уточнила я.

– Я все подробно изложил, описал суть дела и запечатал признание в конверт, и, прежде чем ехать к нотариусу, решил убедиться, что предметы, о которых идет речь, по-прежнему лежат на месте. Проверив тайник, я, к великому своему изумлению, обнаружил, что он пуст! Мне ничего не оставалось, как сжечь конверт с завещанием в камине и как-то вычислить, кто посмел забрать из-под моего носа то, что я столько лет так тщательно охранял, – Степанов тяжело вздохнул.

Я наконец поняла, в чем заключается суть предстоящего мне расследования. Оказывается, музейные экспонаты, не успев вернуться на место, снова были похищены!

– Позвольте задать вам несколько вопросов, – произнесла я, нарушив затянувшуюся паузу.

– Да, конечно.

– Что представлял собою тайник?

– Моя спальня расположена в мансарде. Стены там обиты деревянными рейками. Выбрав момент, когда никого не было дома, я вынул несколько реек под окном, убрал теплоизоляционный материал и поместил туда небольшой сейф. Я его купил в магазине «Охотник». Он закрывался на кодовый замок. Я прибил рейки на место и убедился, что простым взглядом ничего нельзя было обнаружить, только с помощью металлоискателя. Тем удивительнее для меня, что сейф был все-таки найден и вскрыт!

– Ну, допустим, кто-то действительно воспользовался металлоискателем, а как же злоумышленник открыл сейф? Подобрать код не так-то просто, да и время для этого нужно. Вы когда-нибудь надолго отлучались из дома?

Сергей Федорович кивнул:

– Частенько случалось, что я на весь день уезжал в город. Что касается сейфа, то он был вскрыт самым вандальным способом. Дверца его была раскурочена, вероятно, ломиком. А вот рейки приладили обратно очень аккуратно.

– Значит, некто имел возможность не только проникнуть в ваш дом, но и достаточно длительное время пробыть в вашей спальне, – размышляла я вслух. – Как обстоят дела с охраной?

– Ворота и входная дверь стоят на сигнализации, они под видеонаблюдением, а вот в доме никаких камер нет. Собак у нас тоже нет. Когда-то, еще в городской квартире, у нас жила колли по кличке Лада, но, когда она умерла, мы поняли, что потеряли не просто собаку, а члена семьи. К сожалению, у братьев наших меньших очень короткая жизнь. Вновь переживать потерю четвероногого члена семьи никому не хотелось.

– Понятно. Сергей Федорович, вы просматривали записи с видеокамер?

– Нет, – признался он. – А зачем?

– Вы правы, только идиот будет светиться перед камерами. Скорее всего, посторонний человек проник в дом незамеченным... Сергей Федорович, вы же

наверняка знаете какие-нибудь слабые места в системе охраны, так ведь?

– А посторонние здесь совершенно ни при чем! – вымолвил он с надрывом. – Дело в том, что я подозреваю в этой краже своих детей! Причем, и сына, и дочь. Скорее всего, они были в сговоре.

– У вас есть доказательства?

– Только косвенные. Сын в последнее время избегал общения со мной, а дочь всякий раз при встрече отводила глаза в сторону. А еще я случайно подслушал один телефонный разговор... – Наткнувшись на мой скептический взгляд, Степанов поправился: – Вообще-то, не совсем случайно, а нарочно! Мне не оставалось ничего другого, и я прислушивался и присматривался к тому, что происходит в доме. Так вот, из телефонного разговора дочери с ее подругой я понял, что финансовое состояние ее фирмы стабилизировалось, потому что Арина где-то раздобыла деньги.

– Ваша дочь говорила по телефону, что она выручила деньги от продажи антиквариата? – уточнила я.

– Нет, но я догадался, что все было именно так. Ей просто неоткуда еще было их взять, – твердо заявил Сергей Федорович. – А на прошлой неделе мне позвонил сосед по городской квартире и сказал, что меня разыскивал какой-то человек. Он оставил соседу номер телефона. Я позвонил по нему и попал в областной следственный комитет, к следователю Лопухину, и тот попросил меня зайти к нему. Я не стал с этим медлить и в тот же день отправился в Тарасов, на улицу Григорьева. Лопухин сказал, что обращается ко мне как к своему коллеге, который когда-то занимался расследованием краж из нашего художественного музея. Но заметьте, Татьяна Александровна, он спрашивал меня исключительно о золотых песочных часах и футляре для молитвослова, хотя – стараниями покойного Кучаренко – бесследно исчезли и другие раритеты. Нет, вы только не подумайте, что Лопухин меня в чем-то обвинял! Он просто задавал мне вопросы, на большинство из которых я отвечал с частицей «не». «Не помню», «не знаю», «не видел», «не слышал». А что мне еще оставалось?!

– Да, признаваться в чем-либо вам не было никакого резона, – согласилась я.

– Вот-вот, своим признанием я бы подставил детей. Какие они ни есть, но все-таки они – мои дети... Да и сам я виноват, что ввел их в искушение. Мне не стоило так затягивать с возвращением ценностей в музей. – Степанов потер рукой вспотевший лоб. – На следующий день после визита в следственный комитет я все-таки решил поговорить с Костей и Ариной о случившемся. Играть дальше в молчанку было уже невозможно. Я позвонил сыну и пригласил его приехать в Калиновку по срочному делу. Он сказал, что очень занят и в ближайшие дни у него не предвидится свободного времени. «Предметный» разговор с дочерью тоже не состоялся.

– Почему? – поинтересовалась я.

– Когда она вернулась с работы, я повел беседу издалека. Арина почувствовала, к чему я клоню, и занервничала. Она то и дело перебивала меня и порывалась куда-то убежать – то в магазин, то в кухню... Потом пришел Сашка, внук, а при нем продолжать разговор мне не хотелось. Вся эта нервозность привела к тому, что мое артериальное давление подскочило до критической отметки, и дочь тут же положила меня в эту клинику... Каждую секунду я думаю о своих детях! Нет, я несколько не виню их в краже, хотя, признаюсь, я такого никак от них не ожидал. Я боюсь, что их привлекут за незаконный сбыт антиквариата! Чтобы как-то помочь им, я должен знать правду. Но, похоже, ни Константин, ни Арина по собственной воле ни в чем не признаются. Они ведь характером в меня пошли! А правда мне необходима. Я не могу больше жить во лжи, поэтому я охотно принял предложение Полозова обратиться к частному детективу. Что вы скажете мне, Татьяна Александровна? Вы прольете свет на то, что произошло? Мне важно знать, кто из них был инициатором – сын или дочь. Я также хочу знать, кому они сбыли ценности.

– Сергей Федорович, а вдруг вы все же заблуждаетесь? Что, если сейф вскрыли вовсе не ваши дети?

– Кроме них, никому, – отрезал Степанов.

– Так... у вашей дочери есть прислуга?

– Да, у нее есть проходящая домработница. Работает в нашем доме уже три года, но она не заглядывает в мои комнаты. Я категорически отказался от того, чтобы Антонина у меня прибиралась. Не привык я к такому барству, да и сил мне

до сих пор хватало застилать постель.

Я подумала, что заинтересованное лицо могло истолковать поведение старика по-своему, – если он не пускает к себе посторонних, в том числе домработницу, значит, что-то скрывает. Озвучивать эти мысли вслух я не стала, но уточнила:

– Кроме Антонины, другой прислуги в доме нет?

– Прислуга! – ухмыльнулся бывший следователь. – Слово-то какое буржуазное... Никогда не думал, что оно вновь будет у нас в ходу. Нет, другой постоянной прислуги у моей дочери нет, но она периодически нанимает работников для выполнения тех или иных задач. Садовник, например, весной занимался благоустройством участка. Я сам собирался обрезать деревья и вскопать клумбы, но дочь категорически воспротивилась этому. Оказывается, мода и на сад с огородом распространяется, а я в этой моде – не в зуб ногой, – посетовал пенсионер. – Строительная бригада до недавнего времени у нас работала. Дочь решила баньку с бассейном построить. Но все эти люди работали у нас до того, как мой сейф взломали.

– То есть вы периодически его проверяли? – спросила я.

– Не совсем так... Кроме антиквариата, там лежали мои награды, наши с Лидой обручальные кольца и кое-какие документы. Все это осталось нетронутым. Примерно за месяц до того, как я обнаружил пропажу, мне понадобился один документ, и я заглядывал в сейф. Все было на месте. Строители у нас тогда уже не работали. Садовник – тем более.

– Если постоянно выдергивать и прибивать обратно рейки, это может броситься кому-то в глаза, – заметила я. – Это как кнопки кодового замка – нужные затерты, поэтому и обращают на себя внимание.

– А кто вам сказал, что я постоянно этим занимался? С тех пор, как был оборудован тайник, я всего-то два раза в него лазил. Плюс – еще кто-то, кроме меня.

Так, Степанов уже не утверждает, что это сделали его дети. Похоже, мне удалось заронить в его душу некие сомнения. Но стоило ли это делать? Вдруг все было именно так, как и преподнес мне первоначально клиент, – его ограбили

собственные дети? Или кто-то один – сын или дочь? Больше похоже на сына. Именно он первый узнал о том, что отец когда-то припрятал улики, продав которые он существенно повысил бы свое материальное благополучие, и парень никак не мог успокоиться, злился из-за того, что старик не понимает очевидной выгоды этого дела. Да и взлом сейфа – это занятие, скорее, мужское, нежели женское. Идем дальше: Константин в последнее время упорно избегает встреч с отцом... Впрочем, снимать подозрений с дочери тоже нельзя. Во-первых, она – хозяйка дома в Калиновке, и она быстрее и легче брата обнаружила бы тайник. Во-вторых, у Арины появился веский мотив – ей срочно понадобились крупные денежные вливания в бизнес. В-третьих, она косвенно подтверждала свою вину, опуская глаза во время встреч с отцом и избегая в разговорах с ним острых углов.

У моего нового клиента были все основания, чтобы заподозрить своих детей в краже, но я все же не исключала, что драгоценности прибрал к рукам кто-то другой. Кто? Да хотя бы и тот опер, тоже работавший по антикварному делу.

– Сергей Федорович, расскажите мне о Скобцове, – попросила я.

– Я ожидал, что вы спросите о нем, – признался Степанов. – Только мне и сказать-то нечего. Мы с ним не виделись с тех пор, как я вышел на пенсию, а это было без малого семнадцать лет тому назад. О том, что он в настоящее время работает замначальника ОВД Трубного района, я узнал примерно год назад – увидел его по телевизору. Костя служит под его началом, но сын никогда о Скобцове дома не распространялся.

– Ясно: оба работают в Трубном райотделе, – я сделала для себя соответствующие выводы.

Послышалась приглушенная мелодия мобильного телефона. Сергей Федорович вытащил из-под подушки аппарат и ответил:

– Алло!.. Я понял, спасибо, что предупредили... Татьяна Александровна, с минуты на минуту придет моя дочь. Хорошо, что Полозов встретил ее в коридоре и проводил к моему лечащему врачу. Иначе она уже была бы здесь. Я не хочу, чтобы Арина застала вас у меня в палате!

– Да, это неизбежно породит ненужные вопросы. – Я встала и направилась к двери.

– До встречи! – Клиент прощально махнул рукой.

Я вышла из палаты, но покидать клинику не спешила. Дойдя быстрым шагом до холла, я расположилась в кресле перед телевизором, поджидая Арину Сергеевну. Надо составить собственное впечатление об этой особе. Вскоре я увидела высокую, немного склонную к полноте женщину лет сорока. Она уверенным шагом шла по коридору, поправляя одной рукой уложенные в пучок светло-русые волосы, а другой – набирая номер на мобильном телефоне. Остановившись в непосредственной близости от меня, женщина приложила аппарат к уху.

– Андрей Валентинович, здравствуйте! Это Степанова. Ваши деньги сегодня поступили на наш счет. Можете забирать первую партию металлочерепицы... Нет, без оплаты я все вам отдать не могу! Ну и что из того, что мы уже больше пяти лет сотрудничаем с вами? Сейчас времена другие... Значит, завтра с утра придут первые машины? Договорились. До свидания! – Закончив разговор, Арина Сергеевна набрала другой номер, но он не ответил, и она убрала мобильник обратно в сумку, висевшую на плече, и пошла дальше по коридору. У двери в двадцать вторую палату посетительница приостановилась. Прежде чем открыть дверь, она о чем-то с полминуты поразмышляла, затем взялась за ручку, приоткрыла дверь и спросила – совершенно другим тоном:

– Не спишь? Ну, здравствуй, папа! Как ты себя чувствуешь?

Когда Арина Степанова скрылась за дверью, я поднялась и направилась к выходу.

Глава 2

Минут через пять я ехала в своем «Ситроене» к городскому управлению внутренних дел, располагавшемуся в соседнем квартале. Раз уж фигуранты моего нового дела работали в полиции, то первым делом я решила навести о них

справки у полковника Кирьянова, моего хорошего знакомого. Припарковавшись через дорогу от горуправы, я позвонила Владимиру Сергеевичу на служебный номер. Он был занят, и это порадовало меня. Значит, Киря на месте. Включив опцию автодозвона, я терпеливо дожидалась, когда мой приятель наконец ответит. Вскоре мое терпение было вознаграждено бодрым откликом:

- Слушаю вас!

- Добрый, день, Володя! У тебя прямо Смольный!

- И не говори, Танюша. Еле успеваю отвечать на звонки – собираю данные для отчета. Даже пообедать не могу отойти, – устало пожаловался Владимир Сергеевич.

- А я как раз хотела пригласить тебя в кафе, – мигом сориентировалась я, – и даже подъехала к твоей конторе.

- Танечка, ну какое кафе! У меня нет времени пакетик чая кипятком залить...

- Володя, нельзя так наплевательски относиться к своему здоровью! Хочешь, чтобы у тебя снова гастрит обострился? – набросилась я на Кирьянова. – Ничего с твоего работой не случится, если ты все-таки сделаешь перерыв на полчаса. Тут напротив новое кафе открылось...

- Толку-то, – вздохнул Киря. – Там в обед столько народу, что не протолкнешься. Вокруг столько офисов развелось!

- Володя, давай я займу очередь, а когда она подойдет, позвоню тебе, – предложила я.

- Я все понимаю: дело вовсе не в том, что тебе нужна компания за столом, – прозорливо подметил мой приятель. – Скорее всего, у тебя, Таня, ко мне есть еще какой-то интерес.

- Не стану этого отрицать.

– Ладно, все равно от тебя так просто не отвертись. Ты не успокоишься, пока своего не получишь! Давай договоримся так: отвечу еще на пару звонков, а потом забегу в кафе, но учти – ненадолго. У меня найдется для тебя максимум десять минут.

– Десять так десять, – согласилась я и отключилась.

Владимир Сергеевич был прав – в обеденное время во всех точках быстрого питания выстраиваются огромные очереди. Да и серьезные разговоры вести при такой скученности посетителей нежелательно, ведь кругом полно любопытных ушей. Я нашла альтернативный способ накормить моего сверхзанятого приятеля – забежала в мини-маркет на автобусной остановке и купила еще горячие слойки с мясом и пакет апельсинового сока. Когда я вышла на улицу, полковник стоял около моего «Ситроена» и нетерпеливо озирался по сторонам.

– А, вот где ты, – обрадовался он, увидев у меня в руках прозрачный пластиковый пакет с провиантом. – Слоеные пирожки! Ты просто читаешь мои мысли.

– Я бы и твои сводки почитать не отказалась, – скаламбурила я.

– Предупреждать надо, я ничего с собой не захватил, – сказал Киря, располагаясь на пассажирском месте.

– Я знаю, что у тебя отменная память. Давай, угощайся, – предложила я.

Володька взял пакет сока, открыл крышку и, утолив жажду, потянулся за слойкой.

– Горячий еще, – заметил он, с аппетитом уплетая слоеный пирожок.

– Владимир Сергеевич, ты наверняка в курсе, что недавно всплыли некие ценности, лет двадцать тому назад похищенные из нашего музея? – Я не стала из-за дефицита времени долго ходить вокруг да около.

Кирьянов мотнул головой из стороны в сторону, что означало – он слышит от меня об этом в первый раз. Это меня удивило, ведь Степанов утверждал, что его

вызывали в следственный комитет и интересовались раритетами, которые он больше двух десятков лет хранил у себя в различных тайниках. Проглотив пирожок, Володька спросил:

– Таня, ты ничего не путаешь? Ни о каких музейных ценностях в сводках за ближайшее время ничего не говорилось. Я обязательно запомнил бы, если бы там о чем-то таком упоминалось. Это ведь не типичное преступление! И на совещаниях ничего подобного не обсуждалось. Танюша, ты, как всегда, бежишь впереди паровоза. – Последняя фраза прозвучала практически как комплимент.

Я была несколько озадачена таким поворотом событий. Секунду-другую поразмыслив, я пришла к выводу, что следственный комитет опирался лишь на слухи. А кто их распускает? Первой я вспомнила фамилию нынешнего заместителя начальника Трубного РОВД. Я уточнила:

– Владимир Сергеевич, скажи, ты со Скобцовым знаком?

– С Леонидом Семеновичем? – уточнил полковник.

– С ним, – подтвердила я.

– Ну, разумеется, я его знаю. А в чем дело? Тебе нужна моя протекция? Не проблема, могу прямо сейчас ему позвонить и попросить во всем тебе содействовать. – Киря достал из кармана мобильник.

– Нет, что ты, – отмахнулась я, – вот этого как раз делать не стоит! Дело в том, что мне нужно знать как можно больше об этом человеке. Вот я и решила к тебе обратиться.

– Таня, это имеет какое-то отношение к твоему первому вопросу?

– Косвенное, – ответила я, не вдаваясь ни в какие подробности.

Отпив пару глотков сока, Кирьянов начал описывать своего коллегу:

– Скобцов примерно моего возраста, может, чуть постарше. Добрую половину своего милицейского стажа он оттрубил опером, все в том же райотделе, потом

перевелся в полк патрульно-постовой службы, а когда его расформировали, вернулся в родной РОВД, но уже заместителем начальника.

- Это когда примерно было? - уточнила я.

- Где-то с год тому назад.

- Понятно, - кивнула я, сделав соответствующие выводы. - Володя, что-нибудь еще ты можешь о нем сказать?

- Где и с кем живет Скобцов, я, к сожалению, не знаю. - Заметив, что я разочарована скудостью этой информации, Кирия задумался. - Да, вот еще что вспомнил! В 90-х Леонид Семенович несколько раз был в горячих точках, его даже наградили орденом Мужества. Его фотография на Доске почета в областном УВД висит.

- Герой, значит?

- Да, он из храброго десятка, - подтвердил полковник, не уловив моей саркастической интонации. - Вообще, я назвал бы его фанатом своего дела. Скобцов - человек бескомпромиссный, непримиримый, так сказать, борец за справедливость.

Я подумала, что человек с таким характером вряд ли когда-нибудь успокоился бы, зная, что много лет тому назад следователь прокуратуры, с которым Леонид работал, нарушил Уголовный кодекс. Как только возник повод, он не преминул напомнить Степанову о той старой истории.

- Ну, насчет Леонида Семеновича я все поняла. А Константина Степанова, опера из того же РОВД, ты знаешь?

- Само собой, - кивнул Кирия, доедая последний пирожок.

- Тогда охарактеризуй мне и его, - попросила я.

- Как оперативник, Костя Степанов вполне на своем месте. - Владимир Сергеевич прервался, чтобы отпить еще сока. - Насколько мне известно, он не

одного преступника лично вычислил и задержал. А вот моральный облик у него так себе... Потому он до сих пор в старших лейтенантах ходит.

- Так себе? Что ты имеешь в виду? - заинтересовалась я.

- Пару лет тому назад я дежурил по городу. Ночь была на редкость спокойная, и я поехал с инспекцией по районам, начал как раз с Трубного. Так вот ты не поверишь, но я застал в кабинете Степанова, но не одного, а с молодой симпатичной девушкой! Чем они там занимались, можно было судить по наспех натянутой одежде, размазанной губной помаде и растрепанным волосам девицы.

- И как ты на это отреагировал?

- Я сказал молодежи, что появление начальства надо уметь предвидеть всегда, это в их же интересах, и ушел. Таня, ну не смотри ты на меня так! Я что, по-твоему, ханжа? Кстати, девица эта тоже нашей сотрудницей оказалась и к тому же дочкой начальника городского ГИБДД. Я тогда и подумал - дело молодое, любовь-морковь, и не стал выносить сор из избы. Потом до меня как-то дошла информация, что Степанов закрутил шуры-муры со свидетельницей по одному громкому уголовному делу. В общем, влюбчивый молодой человек! Впрочем, женщины таких, как он, любят.

- Это каких - таких? - игриво поинтересовалась я.

- Высокий блондин с голубыми глазами и накачанными мышцами, этакий славянский богатырь с картины Васнецова, но без доспехов. От таких все девчонки с ума сходят.

- Володя, ты бы лучше не обобщал! Кому-то нравятся кареглазые брюнеты среднего роста и с накачанными кошельками.

- Это ты о себе?

- А почему нет? - рассмеялась я, но тут же посерьезнела и вернулась к делу. - Значит, Степанов-младший - отпетый ловелас?

– Да, именно так. Погоди, ты сказала «младший», выходит, ты знаешь старшего? – Киря откинулся на спинку сиденья и задумался. – Кажется, я догадываюсь, что все твои вопросы объединяет! Антиквариат, Скобцов, Степанов... Таня, неужели те драгоценности наконец-то всплыли?!

– Какие? – уточнила я с пуленепробиваемым выражением лица.

– Похоже, ты лучше меня знаешь, какие! Недаром ты сперва поинтересовалась, не светились ли в последнее время в сводках вещички, похищенные когда-то из нашего музея? Я вот только сейчас вспомнил про одно давнишнее антикварное дело. Когда я только начинал работать в органах, ходили слухи о том, что следователь Степанов получил взятку предметами антиквариата за то, чтобы кого-то выгородить. Я подробностей уже не помню, но одно точно – Скобцов тоже работал по тому делу...

– И подобные слухи распускал этот бескомпромиссный, непримиримый борец за справедливость? – уточнила я не без язвительности.

– Чего не знаю, того не знаю. Столько времени с тех пор прошло! Но в одном я уверен – это были лишь ничем не подтвержденные слухи. В противном случае Сергея Степанова не только выперли бы из прокуратуры, но и посадили бы – как минимум лет на десять. Но он, насколько я знаю, доработал до пенсии и с почетом ушел на заслуженный отдых. – Кирьянов взглянул на часы. – Ну вот, я собирался на десять минут вырваться, а уже двадцать прошло! Таня, у тебя еще вопросы есть?

– Вопросов пока что больше нет, но есть просьба – если ты услышишь что-то где-то о тех ценностях, – и описала их в общих чертах, – дай мне знать. Ладно?

– Всенепременно. Только мне интересно: кто же тебя нанял? – Владимир Сергеевич пристально посмотрел на меня.

– Руководство музея, – не раздумывая ни секунды, соврала я. Хоть у нас с Кирей и доверительные отношения, я не могу выдавать своих клиентов.

– Понятно. – Кирьянов лукаво прищурился, и я догадалась, что он мне не поверил. – Спасибо за пирожки, очень вкусные.

– Пустяки. Тебе спасибо за информацию.

– Все, пока, – Владимир Сергеевич вылез из «Ситроена» и быстро направился к своей конторе.

Я поехала к знакомому антиквару, у которого был свой магазин-скупка в центре города, в районе набережной Волги. Петр Алексеевич Милявский был фигурантом одного из моих прежних расследований, и, если бы я сочла нужным, его фамилия появилась бы в протоколах уголовного дела. Но я, подобно моему теперешнему клиенту, пошла на небольшую сделку с законом. Правда, в отличие от Степанова, именно я выступила ее инициатором. В итоге, Милявский помог мне с информацией, а я не рассказала следователю, что Петр Алексеевич грешит скупкой краденого.

Припарковавшись у магазина, я вышла из машины и открыла тяжелую входную дверь, стилизованную под старину. Зазвенел колокольчик. Из подсобики вышел пожилой мужчина с ухоженной бородкой и, удостоив меня лишь беглым взглядом, принялся заводить большим ключом напольные часы. Я поняла, что Милявский меня не узнал.

– Добрый день, Петр Алексеевич! – обратилась я к нему.

Антиквар неторопливо обернулся, надел на нос очки, висевшие на цепочке, пристально взглянул на меня и, узнав, вежливо ответил:

– Здравствуйте, Татьяна Александровна! Чем обязан вашему визиту?

– Хотелось бы поговорить с вами об одном деле.

Милявский скосил глаза в сторону, и я заметила, что мы здесь не одни. В углу стоял невысокий, неброско одетый мужичок и, сложив руки на груди, замороженно любовался женским портретом. Лишние уши мне были не нужны, поэтому я замолчала.

– Николай Трофимович, голубчик, – обратился к посетителю хозяин магазина. – Давайте поступим так: я немного придержу этот портрет, а когда у вас появится необходимая сумма, вы его приобретете.

– Хорошо, Петр Алексеевич, я и сам хотел попросить вас об этом. – Мужичок попрощался и направился к выходу.

Милявский последовал за ним, повесил на дверь табличку «Перерыв», закрыл дверь на засов, вернулся за прилавок и произнес:

– Ну-с, я весь внимание!

– Петр Алексеевич, я не буду долго ходить вокруг да около. Скажу сразу – меня интересуют две антикварные вещицы. – И я достаточно подробно обрисовала, какие именно.

– Если я не ошибаюсь, они некогда были экспонатами нашего художественного музея? – проявил осведомленность антиквар.

– Не ошибаетесь, – подтвердила я. – Вам что-нибудь известно о том, где они сейчас?

– К сожалению, нет. Они исчезли лет двадцать тому назад. Просто как в воду канули! Знаете, у этих вещиц очень интересная судьба. Они ведь уже не в первый раз пропадают, а потом появляются через несколько десятилетий!

– Вы так хорошо знаете их историю? – удивилась я.

– Татьяна Александровна, голубушка, я ведь когда-то работал в нашем «Эрмитаже», так что еще и не такое знаю.

– Когда именно вы там работали? – поинтересовалась я. Милявский назвал годы, и выяснилось, что он уволился из музея примерно за пять лет до тех событий, о которых мне рассказал Степанов. – Надо же, прошло больше тридцати лет, а вы столько интересного помните! У вас завидная память, – польстила я ему.

– Просто я не забиваю мозги ненужной информацией.

– Петр Алексеевич, прошу вас, дайте мне знать, если эти вещицы вдруг где-нибудь всплывут, – попросила я его.

– Они должны всплыть? – заинтересовался антиквар.

– Я не уверена, что это произойдет именно в нашем городе, но очень надеюсь получить сигнал.

– Татьяна Александровна, если кто-то надумает продать антикварные песочные часы и футляр для молитвенника, это станет событием, какого давно не бывало в Тарасове! Однако должен заметить, что в последнее время действительно заслуживающие внимания предметы старины все чаще и чаще реализуются через Интернет. Глобальная сеть отбивает у нас хлеб, – пожаловавшись на технический прогресс, Милявский уточнил: – У вас номер телефона не изменился?

– Нет, он остался прежним. Сразу же звоните мне, как только у вас появится хоть какая-то информация по этому вопросу, – настоятельно попросила я, и, чтобы как-то мотивировать антиквара, добавила: – Я в долгу не останусь.

– Я позвоню, не сомневайтесь, – пообещал Петр Алексеевич.

На том мы попрощались, и я вышла из магазинчика. У входа топталось несколько человек, терпеливо ожидавших, когда скупка откроется. Я села в «Ситроен» и поехала домой.

У меня не было оснований не доверять Милявскому. Потомив меня немного, он непременно рассказал бы, пытался ли кто-либо реализовать через него золотой футляр для карманного молитвослова и песочные часы. Мне не давал покоя другой вопрос – что послужило толчком для вызова моего клиента в следственный комитет? Если бы по факту обнаружения некогда похищенных музейных экспонатов было заведено уголовное дело, полковник Кирьянов наверняка знал бы об этом. Но Владимир Сергеевич был не в курсе. Почему же следователь Лопухин вызвал к себе Степанова? Неужели он предполагал, что у Сергея Федоровича столько лет незаконно хранились эти драгоценности? Но откуда у него эта информация? Ничего нового, кроме мысли, что Скобцов вновь принялся мутить воду, мне в голову не пришло. Меня заботил вопрос: с чего это вдруг он активизировался именно сейчас? Но ответа у меня пока что не было.

Приехав домой, я наскоро пообедала, а затем, смакуя вкуснейший черный кофе, продолжила размышления. Толковых версий мне выстроить не удалось, и тогда

я решила поискать информацию о похищенных раритетах в Интернете. Я включила ноутбук и начала поиск интересовавшего меня антиквариата. Переходя с ссылки на ссылку, я вскоре нашла то, что искала. На одном из популярных – в определенных кругах – сайтов к продаже предлагался золотой футляр для карманного молитвослова, инкрустированный сапфирами. Объявление о продаже этого изделия, созданного в начале XIX века неизвестным автором, было проиллюстрировано фотографией. К сожалению, я никогда не видела раритет, о котором мне рассказывал Степанов, поэтому не могла утверждать, что в объявлении речь идет именно о том футляре для молитвослова. Может, их было много, к примеру, как яиц Фаберже? Я кликнула по ссылке, предложенной продавцом для обратной связи. Увы, меня постигло разочарование – страница не открылась. Я проверила значок на панели инструментов в нижнем правом углу монитора – связь с Интернетом имелась. Тогда я вернулась назад, еще раз щелкнула мышкой по ссылке и вновь провалилась в «никуда». Похоже, продавец уже нашел покупателя и обратная связь ему больше не требовалась, вот он и удалил свою страницу. Я распечатала фотографию золотого футляра, чтобы показать ее на следующий день клиенту, и продолжила поиски, но ничего, заслуживающего внимания, больше не нашла. Эксклюзивные песочные часы никто через Интернет не продавал.

Сварив очередную порцию кофе, я села в свое любимое кресло и, попивая мелкими глотками горячий ароматный напиток, принялась анализировать всю имевшуюся у меня информацию. Мне ни в коей мере не хотелось уличить своего клиента в корысти. Скорее всего, Степанов перебросил бы в соседнюю лоджию любые улики, даже не представлявшие практической ценности. Он понял, что Наталью Хрекову кто-то подставляет, и решил еще раз помочь беременной женщине. Сам собой напрашивался вопрос – кто ее подставлял? Также сам собой возникал и ответ – Скобцов! Но в этом случае Леонид Семенович должен был знать, где конкретно находятся улики, а он, по всей видимости, был не в курсе. Иначе он не позволил бы следователю оставаться с ними в лоджии один на один. Более того, Скобцов предложил бы начать обыск именно оттуда.

Кстати, о лоджии. Очень удобное место, чтобы что-то туда подбросить, не заходя в квартиру. Надо будет уточнить у Степанова, на каком этаже жила Хрекова, не было ли поблизости пожарной лестницы и не росло ли рядом какое-нибудь дерево? Хотя зачем мне эта информация? Я немного подумала и пришла к выводу, что не надо морочить себе голову событиями двадцатилетней давности. Следует восстановить картину недавнего прошлого.

Итак, впервые в доме Степановых заговорили о драгоценностях чуть больше года тому назад. Дочь клиента уже к тому времени жила со своим сыном в Калиновке. Супруга Сергея Федоровича пребывала в одном шаге от смерти. А их сын работал под началом Скобцова. Как утверждает Кирьянов, Степанов-младший – парень любвеобильный, но, поскольку он жил с родителями, он не имел возможности приводить к себе девушек. Неудивительно, что Костя хотел обзавестись отдельным жильем, и реализация антиквариата открывала перед ним такие возможности. А отец упорно твердил, что никаких ценностей у него нет, – и при этом что-то прятал в ящике письменного стола, а ключ носил при себе. Выкрасть музейные экспонаты из письменного стола было бы намного проще, чем из сейфа, спрятанного в отцовской спальне в калиновском доме. Если к краже приложил руку Константин, то почему он пошел самым сложным путем?

Понятно, что при жизни матери он просто не осмеливался на такой дерзкий шаг. Последние месяцы она лежала, прикованная к постели страшной болезнью. После ее смерти Костя вновь попытался вызвать на откровенность своего родителя, но тот опять-таки ни в чем не признался. Более того, между отцом и сыном возник конфликт, в результате которого Степанов-старший даже решил сменить место жительства. Сергей Федорович переехал к дочери и внуку в Калиновку и драгоценности увез с собой. Спрятал он их на новом месте достаточно надежно, только все равно сейф кто-то отыскал и взломал, постаравшись на какое-то время «замазать» следы преступления – аккуратно прибив на место рейки, за которыми скрывался тайник. Может, взломщик оставил на месте преступления отпечатки пальцев? Пока мой клиент остается в клинике, я лишена возможности это проверить.

Мысленно вернувшись к фигуре опера-ловеласа, я пришла к выводу, что, рискнув поднять щекотливый для отца вопрос, он – в любом случае – кое в чем выиграл. Дело в том, что Сергей Федорович не захотел жить с сыном и переехал к дочери. Константин же остался один в городской квартире, но от своих материальных притязаний не отказался. В разговоре с отцом он упоминал, что мечтает о приличной машине. Что ж, Костя вполне мог объединиться со своей сестрой в стремлении заполучить отцовский клад, когда у нее возникли проблемы в бизнесе. Двое против одного – счет явно не в пользу Сергея Федоровича.

Меня вдруг посетила шальная мысль – а не ограбил ли Степанова бывший хахаль его дочери? Где одно преступление, там и другое! Пока Арина была в

командировке, он не постеснялся вывести из оборота крупную сумму, воспользовавшись данным ему правом личной подписи. Так почему же он не мог бы взломать сейф? Если он жил с Ариной в Калиновке, то наверняка мог слышать «байку» об антиквариате и задаться вопросом – а вдруг это вовсе и не байка, а самая настоящая правда?

Почему же я сразу не заподозрила этого человека? Может быть, потому, что клиент упомянул о нем как-то вскользь, и только теперь, когда я все разложила по полочкам, фигура бывшего Ариного бойфренда показалась мне гораздо более значительной.

Я посмотрела на часы – еще не было и пяти часов вечера. Вполне удобно еще раз навестить Степанова и обсудить с ним то, что мы не успели обговорить из-за визита его дочери. Недолго думая, я собралась и поехала в клинику «Сантэ».

* * *

Сегодня утром, в первый раз придя в больницу, я сказала администратору, что направляюсь к главврачу. Теперь мне пришлось назвать фамилию пациента.

– Так вы тоже к Сергею Дмитриевичу? – уточнила она, и я кивнула в ответ. – У него сегодня прямо день посещений! В первой половине дня дочь к нему приходила, теперь у него сын. А вы кем ему приходитесь?

– Племянницей, – соврала я и поднялась на второй этаж.

На площадке между этажами стояли двое – высокий блондин с голубыми глазами и симпатичная девушка в коротком халатике с логотипом клиники «Сантэ» на нагрудном кармане. Я невольно подслушала их разговор.

– Девушка, так вы отведете меня в кардиологию? – театрально прижав руку к груди, спросил молодой человек, похожий по описанию Кирьянова на оперативника из Трубного райотдела. – У меня сердечный удар!

– Вы так молоды, а уже жалуетесь на сердце, – не без кокетства заметила сотрудница клиники. – А вы уверены, что вам надо именно в это отделение?

– Ну, я не знаю... А вы сейчас куда направляетесь? – поинтересовался молодой человек. – С вами я хоть на край света пойду!

– В урологию, – ответила та. – Пойдете, у нас там очень хорошие врачи.

– Спасибо, вы так добры, но я, пожалуй, сам поищу кардиологию. – Блондин почему-то потерял интерес к девушке в коротком халатике и пошел вниз по лестнице.

Я не сомневалась, что это был сын моего клиента. Их сильное внешнее сходство сразу же бросалось в глаза. Еще мне показалось, что Константин не слишком-то переживает по поводу отцовской болезни. Настроение у него было игривое.

Тем временем я подошла к нужной палате и, приоткрыв дверь, увидела, что больной лежит на койке и задумчиво смотрит в потолок. Мне показалось, что он выглядит очень расстроенным. Неужели еще что-то произошло за эти полдня?

Раскрыв дверь пошире, я сказала:

– Это снова я, Сергей Федорович. Не ожидали?

Степанов встрепенулся, похоже, я оторвала его от серьезных размышлений.

– Татьяна Александровна? Да, я действительно не ожидал увидеть вас сегодня во второй раз. – Пенсионер приподнялся выше на подушке. – Заходите. Вы вовремя. От меня только-только сын вышел! Приди вы на пару минут раньше – и столкнулись бы с ним. Хорошо, что этого не случилось.

– Я в курсе, что Константин был здесь. Мне сказали на рецепции. Видите, сын все-таки нашел время, чтобы вас навестить, – заметила я.

– Толку-то, – горько усмехнулся мой клиент. – Он пришел сказать, чтобы я не спешил отсюда выписываться, и еще про санаторий намекал. Дочь говорила то же самое, слово в слово: «Папа, лечись хорошенько, спешить с выпиской не надо! А мы потом тебя в самый лучший санаторий отправим». Татьяна Александровна, вы же понимаете – сплавить они меня из Тарасова хотят, чтобы подальше оттянуть объяснение. Нет чтобы во всем признаться, покаяться! Не

могу смотреть в их лицемерные лица.

Расположившись, как и утром, в кресле, я мягко спросила:

– Сергей Федорович, а если вы насчет ваших детей все же заблуждаетесь?

– Вы что же, уже успели найти доказательства их непричастности к вскрытию сейфа? – в голосе моего клиента прозвучал неприкрытый скепсис. – Рад бы обмануться, но это маловероятно.

– Нет, никаких доказательств я пока что не нашла, но у меня возникла альтернативная версия.

– Слушаю вас, – заинтересовался Степанов и потер руку об руку.

– Вы сказали, что фирму Арины ограбил ее хахаль. Так вот, я и подумала, может, кража антиквариата – это тоже его рук дело?

Бывший следователь прокуратуры не спешил опровергать мое предположение. Он молча анализировал его.

– Версия неплохая, – наконец заговорил он. – Денис мне никогда не нравился, но я не вмешивался в личную жизнь дочери. Она его любила и не замечала его очевидных недостатков. Да и с Сашкой он вроде бы ладил... У них были общие увлечения – компьютер, футбол... Когда я переехал в Калиновку, Евтеев даже не скрывал, что он от этого далеко не в восторге. Хотя, казалось бы, чем я ему мешал? Дом большой, места всем хватало. Занудством я вроде тоже не страдаю. Другой бы на моем месте допросы каждый день устраивал: почему мой так называемый зять пришел домой выпивши, когда он собирается официально оформить отношения с Ариной, и так далее. Я же молчал. Даже дочь ни о чем не спрашивал, хотя видел, что у них не все идет гладко.

– Они ссорились, выясняли отношения? – поинтересовалась я.

– Нет, при мне ничего такого не было. Дело в том, что примерно полгода тому назад Денис от нас съехал, мотивировав это тем, что ему надо проводить больше времени с больным отцом. Арина не углядела в этом никакого подвоха.

А вот я сразу почувствовал, что это вранье, и на всякий случай решил проверить, так ли это. Я знал, где Денис был прописан, съездил туда, поговорил с соседями и выяснил, что Евтеев-старший – вполне в добром здравии. Кроме того, мне сказали, что Денис там как прежде не жил, так и сейчас не живет. Значит, от Арины он ушел к другой бабе, простите, к женщине, – поправился Степанов. – Дочери я об этом не сказал. Зачем ее попусту расстраивать?

– И то верно, – поддакнула я.

– Другую, в общем, он себе нашел, но Арине в этом признаваться не хотел, боялся, что она его с работы уволит. Вот и поддерживал с ней связь, а сам, похоже, планы вынашивал, как ее кинуть. И кинул...

– То есть в то время, когда вскрыли ваш сейф, Денис уже не жил в коттедже?

– Так точно. Он стал бывать у нас все реже и реже. Я вот что думаю – знал бы Евтеев про драгоценности, уж наверняка он задержался бы у нас в Калиновке подольше, чтобы обо всем вынюхать. Так что, Татьяна Александровна, версия у вас хорошая, но неправильная. По срокам не сходится. Сейф-то не ранее как месяц тому назад вскрыли. Дениса уж и след простыл. После увольнения он в Москву подался.

– А вы откуда знаете?

– Константин это выяснил по просьбе Арины.

– Сергей Федорович, ваша дочь не пыталась привлечь Дениса к ответственности за то, что он снял со счета фирмы крупную сумму?

– Она сказала, что действия Евтеева скорее выглядят как неэффективное управление, нежели как воровство.

– А если поконкретнее? – пожелала уточнить я.

– В Арино отсутствие Денис закупил стройматериалы в таком количестве и по такой цене, что распродать их даже с нулевой прибылью не представлялось возможным.

- Похоже, он получил за это хорошие откаты, - предположила я.

- Арина тоже так решила - и тут же уволила его. Вот такие дела.

- Насколько я поняла, этот Евтеев весьма тесно дружит со многими пороками. В связи с этим я не спешила бы снимать с него подозрения.

- Да, он - очень нечистоплотная личность, - согласился со мной клиент, - но это еще не доказательство его вины. Если бы артефакты лежали на поверхности, он, может быть, их и свистнул бы, но до моего тайника Денис не добрался бы. Дело в том, что за то время, пока он жил у нас в Калиновке, ничего тяжелее мобильного телефона он в руках не держал. Помнится, как-то Арина попросила его прибить гвоздь, чтобы повесить рамку с Сашиной фотографией, так он не только не смог его вбить, как следует, но еще и серьезно поранился. Представьте, как Денис работает ломиком, сначала отрывая от стены рейки, а затем раскурочивая сейф, совершенно невозможно! Он изувечил бы себя до полусмерти еще в самом начале, отрывая рейки, а сейф ему и вовсе оказался бы не по зубам. А уж аккуратно прибывать рейки на место Евтеев бы точно не стал. Так что ваша версия абсолютно бесперспективна.

- Ну хорошо, вы меня убедили. Кстати, взгляните на это. - Я достала из сумки распечатку с фотографией золотого футляра для молитвослова и протянула ее Степанову. - Знакома вам эта вещица?

Сергей Федорович взял с тумбочки очки в металлической оправе, надел их и, внимательно рассмотрев фотографию, подтвердил:

- Да, это та самая вещь!

- Вы уверены? Может, просто похожа?

- Абсолютно! В правом верхнем углу футляра имеется потертость. Видите, на фотографии она тоже заметна? Скажите, Татьяна Александровна, откуда у вас этот снимок?

- Не беспокойтесь, не из уголовного дела, а из Интернета. - И я рассказала ему про объявление.

– А что с песочными часами?

– О них у меня нет никаких сведений. Да, вот что еще я выяснила – пока что никакого уголовного дела о незаконном обороте историко-культурных ценностей не возбуждалось.

– А почему же меня тогда вызвали в следственный комитет?

– Вначале я связала это со Скобцовым, но теперь у меня появилась еще одна версия. Насколько мне известно, существует специальная служба, отслеживающая публикации, в том числе и в Интернете. Думаю, продажа предмета старины, некогда похищенного из музея, не осталась без внимания этой службы.

– Значит, компетентные органы вышли на продавцов? – Степанов вернул мне снимок, и я заметила, как дрожит его рука. – Я знал, что до добра это не доведет! Ладно, Арина, но Костя-то как мог на такое пойти?! У него ведь юридическое образование, ему бы следовало понимать, к чему это приведет...

– Сергей Федорович, успокойтесь, пожалуйста. Вы же сами работали в прокуратуре, поэтому лучше меня знаете, как там разговаривают с подозреваемыми в каком-либо преступлении. Лопухин был с вами предельно вежлив, так?

– Так-то оно так, но покоя в душе все равно нет.

– Ваших детей на допрос не вызывали, так?

– Мне ничего об этом не известно, – глухо отозвался пенсионер.

– Вряд ли следственный комитет располагает доказательствами, что именно ваши дети выставили на продажу музейный раритет. Сами знаете, что именно за этим последовало бы.

Степанов задумался.

– Татьяна Александровна, вы сказали, что ссылку удалили. Наверное, можно выяснить, кто регистрировал ту WEB-страницу? – спросил он.

– Можно узнать, где находится конкретный компьютер, но, скорее всего, он стоит в каком-нибудь Интернет-кафе. Только дурак занялся бы подобными вещами у себя дома.

– Ну, не знаю, в состоянии эйфории многие становятся дураками, – философски заметил бывший следователь.

Сегодня я видела и Арину, и Константина. Сын Степанова выглядел счастливым, вполне довольным жизнью, и это – несмотря на то, что его отец слег с гипертоническим кризом. Может, у него как раз и была эйфория – после выгодной продажи раритета, двадцать с лишним лет пролежавшего в различных тайниках отца?

– Вот что: я попробую узнать, с какого компьютера открыли интересующую нас страницу. Думаю, вам будет спокойнее, если выяснится, что это все-таки сделали не у вас дома. Я имею в виду и квартиру, и коттедж.

– Вы выясните это? – обрадовался Степанов.

– У меня есть один знакомый, он в таких вопросах – профи. К нему-то я и обращусь.

– Татьяна Александровна, а ведь мы с вами еще не обсудили один очень важный вопрос...

– Какой? – спросила я, убирая распечатку в сумку.

– Финансовый. Видите ли, в чем дело, я не могу вам пока что заплатить: мои пенсионные сбережения хранятся в банке. Меня отвезли сюда в экстренном порядке. Я даже не подумал о том, что следовало захватить с собой пластиковую карту. Лечение ведь дочь оплачивает. – По его изменившейся интонации я поняла, что моего клиента сильно тяготит это обстоятельство. – Была бы у меня карточка при себе, я бы спустился вниз, к банкомату.

– Сергей Федорович, не переживайте из-за этого. Заплатите, как только сможете, – успокоила я его.

Степанов поинтересовался моими тарифами. Я назвала цены, и он удовлетворенно кивнул.

– Все нормально. Такая сумма имеется на моем счету. Я ведь практически ничего на себя не трачу...

Пенсионеру мои услуги оказались по карману, и это порадовало меня. Задав клиенту еще несколько важных вопросов, я была вынуждена с ним попрощаться – пришла медсестра, чтобы сделать ему укол.

В холле я встретила главврача.

– Вы еще здесь? – удивился Полозов.

– Нет, я приехала уже во второй раз. Надо было кое-что уточнить у Сергея Федоровича.

– Понятно, – кивнул он и вошел в палату.

Я спустилась, взяла в гардеробе куртку, сняла бахилы, вышла из клиники, села в машину и позвонила своему знакомому, программисту Диме Авельянову. Его мобильник был отключен, тогда я набрала номер его домашнего телефона. После нескольких длинных гудков пошли короткие. Похоже, кто-то снял и сразу же положил трубку. Авельянов был человеком бессемейным, поэтому я решила, что, кроме него самого, никто не мог это сделать: он явно не хотел, чтобы его отвлекали от какого-нибудь важного дела. Удостоверившись, что он дома, я поехала к нему.

Через каких-то полчаса я припарковалась в тихом тарасовском дворике, вышла из машины и направилась к угловому подъезду. Набрал на кодовом замке известную мне комбинацию цифр, я открыла дверь, вошла и спустилась вниз (Дима жил в полуподвале). Как ни странно, там горела лампочка, чего раньше никогда не бывало, я всегда подсвечивала лестницу мобильником, чтобы ненароком не оступиться и не переломать ноги. Удивившись порядку,

царившему в полуподвале, я позвонила в одну из двух находившихся там квартир, она располагалась с правой стороны.

- Кто там? - слышался женский голос, что опять-таки меня удивило.

Дело в том, что я ни разу не видела в доме Авельянова женщин - ни матери, ни сестры, ни просто подружки. Ему часто звонили при мне, но всегда - мужчины. Со мной он никогда не флиртовал. Более того, я даже никогда не замечала, чтобы он обращал какое-то внимание на представительниц прекрасной половины рода человеческого. Словом, Дима был не из тех, кто повернул бы шею, провожая взглядом симпатичную девушку в мини-юбке. Все это наводило на определенные размышления. Однажды я рискнула и спросила у Авельянова, есть ли у него девушка.

- Девушка? - удивленно переспросил он, и я почувствовала себя так, будто сморозила какую-то глупость, и заподозрила, что он - гей. Но никаких фактов ни за, ни против моего предположения у меня не имелось.

- Кто там? - повторил женский голос.

- Здравствуйте! Дима дома?

- А вы кто ему будете? - заинтересовалась таинственная незнакомка.

- Татьяна Иванова, деловой партнер, - отрекомендовалась я.

Дверь распахнулась, и передо мной предстала невысокая девушка, одетая в яркое шелковое платье в китайском стиле. В таких обычно ходят узкоглазые официантки в суши-барах. Моя визави явно была европейкой, к тому же блондинкой.

- Я хочу вам сказать, - начала она, высоко задрав нос, на котором сидели очки в металлической оправе, - что у Димы сейчас совсем другая жизнь! Все его деловые партнеры остались в прошлом. Примите это, пожалуйста, к сведению, и больше не приходите и не звоните сюда.

– Простите, вы кто? – спросила я, заглядывая поверх ее головы. Квартиру совершенно невозможно было узнать, так она преобразилась. Мало того, что там не было привычного беспорядка – на стенах появились картины с восточной тематикой. На потолке вместо обычной рожковой люстры висел бумажный светильник с изображением дракона.

– Я – его жена, – гордо заявила девушка, но под моим пристальным взглядом несколько стушевалась и поправилась: – Почти жена. Мы уже заявление в ЗАГС подали! А еще Дима устроился на приличную работу, поэтому всякие левые заказы он больше не берет.

– Ну что ж, я вас поздравляю, – сказала я, все еще пребывая в некотором шоке из-за перемен в личной жизни Авельянова. Лихо, однако, взяла его в оборот эта любительница восточной культуры!

– Спасибо, – кивнула девушка и хлопнула перед моим носом дверью.

Мне не оставалось ничего другого, как подняться из полуподвала на улицу. Я уже собралась усесться в свой «Ситроен», как увидела Димку, неспешной походкой плетущегося к своему подъезду. Казалось, что он по собственной воле топает на каторгу. Мне даже жалко стало этого бедолагу. Я махнула хакеру рукой, он меня заметил боковым зрением и тут же сменил траекторию.

– Здравствуй, Таня! Ты ко мне? – спросил он.

– К тебе, – подтвердила я. – Дело одно срочное есть.

– Ну что ж, давай обсудим. – Потухшие глаза «жениха» мгновенно ожили. – Только я тебя к себе не приглашаю. У меня там... это... ну, как бы лучше сказать, страшный кавардак.

Можно подумать, я никогда не видела его кавардака! Нашел, чем меня испугать! Не хочет знакомить меня со своей невестой – и не надо. Я уже сама с ней познакомилась. Впечатления оставляют желать лучшего. Одно радует – у Димы традиционная сексуальная ориентация.

– Нет проблем, – сказала я, – давай поговорим в моей машине.

Авельянов охотно сел в «Ситроен» и, устроившись поудобнее, спросил:

- Ну, что у тебя на этот раз? Кого надо хакнуть?

Я достала из сумки компьютерную распечатку и протянула ему, прокомментировав:

- Это объявление с одного сайта.

- Вижу.

- А по этой ссылке, - я тыкнула пальцем в нужное место, - можно было связаться с продавцом...

- Но ссылка уже не работает, - догадался хакер.

- Именно так. Я хотела бы знать, кто и с какого компьютера разместил это объявление, связывался ли кто-то с продавцом - в общем, все, что можно выжать из этой информации.

- Понял, поработаю. Таня, только давай договоримся так - как только я закончу работу, сам позвоню тебе. Ладно?

- Да не вопрос, - согласилась я. - Аванс требуется?

- Вообще-то, не помешал бы, - признался Дима, и я поняла, что ему туго живется без левых заказов.

Вынув из кошелька пару не самых крупных купюр, я протянула их Авельянову. Эта сумма его несколько разочаровала. А что я могла? Мне клиент пока что ничего мне не заплатил. Очень редко я начинаю работать без какой-либо предоплаты, только в крайних случаях. Сейчас как раз именно такой и был - клиент лежал в больнице.

- Остальное - по факту, - пообещала я.

- Договорились, – безрадостно протянул Авельянов и взялся за ручку дверцы.

- Дима, у тебя все в порядке? – все же поинтересовалась я напоследок.

- Да, все нормально, – соврал он и открыл дверь. – Просто устал немного.

Дмитрий не захотел рассказать мне о внезапных переменах в своей личной жизни, которые, вне всякого сомнения, тяготили его. И как же угораздило Авельянова связать свою жизнь с девицей, с которой у него явно не было ничего общего? Она поселилась в его небольшой, но все-таки собственной квартире и начала безраздельно властвовать там, стараясь подавить его индивидуальность и навязывая Диме свои пристрастия к восточной культуре. Да, Димочка, ну, ты и попал! Я с искренним сочувствием смотрела своему знакомому вслед, пока он не исчез за подъездной дверью, после чего тронулась с места.

Сначала я хотела поехать домой, но потом решила свернуть в Трубный район, в котором жил и служил сын моего клиента. Чтобы понять, справедливы ли подозрения Сергея Федоровича, следовало какое-то время понаблюдать за Константином со стороны. Может, продав золотую безделушку, инкрустированную сапфирами, он ведет в свободное от работы время жизнь, достойную олигарха?

Официально рабочий день уже закончился, но оперативник все еще мог быть в райотделе. Подъехав к Трубному РОВД, я стала высматривать, нет ли поблизости синей «восьмерки», на которой ездил Константин. Такая тачка стояла недалеко от входа. Номера совпадали с теми, что мне назвал Степанов-старший. Я припарковалась через три машины от нее и стала ждать, когда выйдет старший лейтенант. Вскоре из райотдела вышла толпа мужчин, а точнее, пять человек. Все они были в гражданском. Один выделялся на фоне остальных своим высоким ростом. Когда расстояние до него сократилось, я разглядела черты лица и убедилась, что это Константин.

Толпа мгновенно рассеялась. Четверо, в том числе и объект моего наблюдения, сели в разные машины, а один пошел через дорогу, пешком. Я пристроилась за синей «восьмеркой». Она вырулила на проспект Молодых Энтузиастов и направилась в сторону, противоположную от центра. Через несколько кварталов Константин притормозил на автобусной остановке, и в машину села высокая девушка с длинными черными волосами. Еще через пару кварталов синяя

«восьмерка» остановилась около продуктового супермаркета. Из нее вышел только водитель и отправился за покупками. Припарковавшись у соседнего здания, я стала ждать, что будет дальше. Минут через десять Степанов-младший вышел из магазина со скромным пакетиком, сел в свою машину и поехал по проспекту дальше. Когда он свернул в Алтайский переулок, я проехала прямо. Все-таки Константин – оперативник, он вполне может обнаружить «хвост». Да и смысла следить за ним дальше не было, ведь я уже поняла, что он пока что не шикует. Может, конспирируется? Доехав до перекрестка, я свернула налево и другой, более короткой дорогой поехала домой.

Лучше бы я возвращалась тем же путем, потому что на Демократической улице из-за ДТП возникла пробка, и до дома я добиралась едва ли не два часа. Впрочем, это время нельзя было считать совсем уж потерянным, потому что мой мыслительный процесс ни на секунду не останавливался. Я анализировала аргументы, которые привел мне Степанов, обвиняя собственных детей в краже, и все в большей степени склонялась к мнению, что они надуманные. Просто у старика не было никакой другой версии, вот он и зациклился на одной-единственной, лежавшей на поверхности. Раз уж его дети догадывались о том, что он прячет драгоценности, значит, именно они их и взяли. Тем более и сын, и дочь нуждались в деньгах. Арине требовалось спасти свой бизнес, а Константину как минимум купить новую тачку. Кстати, трое его коллег отъехали от райотдела на иномарках, пусть и не самых дорогих, а он – на старой отцовской «восьмерке».

Кто-то, скорее всего, полковник Скобцов, дал Константину наводку на отцовскую «зачапку». Мотив прибрать ее к рукам у Степанова-младшего был, у его старшей сестры – тоже. Кроме того, у них имелась теоретическая возможность обнаружить и вскрыть тайник (старик частенько надолго отлучался из коттеджа). Только меня все это как-то не убеждало. Да, я не исключала возможности, что Сергей Федорович прав в своих горьких подозрениях, но, будучи сторонницей концепции разумного сомнения, я пыталась выстроить и другие версии. Мысленно вернувшись к бывшему Аринину любовнику, я достаточно быстро поняла, что не стоит терять на него время. Аргументы Степанова в этом случае убедили меня на все сто процентов. Спросив себя, кто еще мог похитить ценности, я вдруг поняла, в какой плоскости стоит поискать ответ, и мысленно перенеслась в далекое прошлое, когда волею судьбы следователь прокуратуры стал хранителем музейных экспонатов, то есть к давнишнему обыску в квартире Хрековой.

Морально-этический аспект импульсивного поступка Сергея Федоровича меня не волновал. Что сделано, то сделано. Гораздо интереснее другое – как к Наталье попали эти артефакты? Действительно ли она не знала о том, что лежит у нее на лоджии в коробке из-под обуви? Может, она увидела в глазок, кто к ней пожаловал, и засуетилась, ведь возвращаться в СИЗО ей, конечно, не хотелось. В дверь звонили и звонили, и Хрекова успела только переложить коробку на лоджию. Затем, стараясь сохранять невозмутимость, беременная женщина вверила себя в руки судьбы, и та сжалилась над ней, подослав к ней доброго следователя.

Итак, Наталья вполне могла догадаться, что Степанов прикарманил золотое содержимое невзрачной карточной коробки. Поговорив с соседями, выступившими в роли понятых, Хрекова узнала, что Сергей Федорович к ним заходил после обыска и выходил один покурить на их лоджию. Это обстоятельство должно было окончательно убедить Наталью в том, что именно следователь и забрал драгоценности. Она могла кому-то рассказать о своих догадках. Например, водителю чиновника Кучаренко, который ей что-то передал в парке, возможно, как раз раритеты из музея... Хрекова могла получить свидание с отцом своего будущего ребенка, Николаем Бирюлиным, и рассказать ему о случившемся. Да мало ли с кем еще она могла поделиться своими соображениями! Пока шло следствие, потребовать у Степанова отдать драгоценности ни для кого резона не было, а вот по окончании судебного процесса кто-то мог предъявить свои права на песочные часы и футляр для молитвослова. Добровольно Сергей Федорович их не отдал бы – ему понятно. Но, учитывая значительную стоимость антикварных вещей, нетрудно предположить, что на следователя вполне могли оказать моральное и физическое воздействие. Если бы Степанову пригрозили, что разделаются с его женой, детьми или с престарелыми родителями, он наверняка сдался бы. Но ничего такого не было и в помине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/serova_marina/shag-vlevo-shag-vpravo

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)